

5. **Кэмпбелл Д.** Тысячеликий герой: [Текст] / Д. Кэмпбелл. – М.: Рефл-бук, АСТ; К.: Ваклер, 1997. – 384 с.
6. **Новик Е. С.** Шаманская мифология: [Текст] / Е. С. Новик // Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. Энцикл., 1992. – С. 638–639.
7. **Пирожкова Т. Ф.** «Золоторассыпчатый»: [о литературном творчестве Алексея Степановича Хомякова]: [Текст] / Т. Ф. Пирожкова // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – № 6. – С. 26–37.
8. **Полевой К.** Ермак, трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Алексея Хомякова: [Текст] // Полевой Н., Полевой К. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. – Л.: Худож. лит., 1990. – С. 417–428.
9. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: [в 17 т.]: [Текст] / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
10. **Рябий М. М.** А. С. Хомяков глазами славянофилов: [Текст] / М. М. Рябий // Науч. докл. высш. шк. Сер. Филолог. науки. – 2008. – № 4. – С. 91–99.
11. Театральная критика в 1830-е годы: [Текст] // Очерки истории русской театральной критики. Конец XVIII – первая половина XIX века / А. Я. Альтшуллер и др.; под ред. А. Я. Альтшуллера. – Л.: Искусство, 1975. – С. 139–169.
12. **Токарев С. А.** О религии как социальном явлении: [Текст] / С. А. Токарев // Сов. этнография. – 1979. – № 3. – С. 87–105.
13. **Фанталов А.** Финно-угорские народы. Мифы и история: [Электронный ресурс] / А. Фанталов // Финно-угорские народы: очерки истории: Сайт. – 4,09 Кб. – Доступ к режиму: <http://www.mythology.webhost.ru/finnougrian0.htm>. – Заголовок с экрана.
14. **Хомяков А. С.** Ермак: Трагедия в 5 д.: [Текст] // Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. – Л.: Сов. писатель, 1969. – С. 151–277.
15. **Шамшурин А. В.** Концепция слова А. С. Хомякова: [Текст] / А. В. Шамшурин, В. И. Шамшурин // Человек. – 2004. – № 2. – С. 112–122.
16. **Юнусов И. Ш.** Проблема национального характера в драматургии А. С. Хомякова: [Текст] / И. Ш. Юнусов // Вест. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – № 12. – С. 74–83.

Надійшла до редколегії 22.05.2009.

УДК 821.161

Н. М. Раковская

Одесса

КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ: проблемы интерпретации

Розглядаються проблеми теорії літературної критики, акцентується на інтерпретації та реценції критичного тексту. Структура тексту характеризується діалогічністю, зумовленою культурною парадигмою часу.

Ключові слова: критика, система, інтерпретація, полеміка, діалог.

Рассматриваются проблемы теории литературной критики. Делается акцент на интерпретации и рецензии критического текста. Структура текста характеризуется диалогичностью, обусловленной культурной парадигмой времени.

Ключевые слова: критика, система, интерпретация, полемика, диалог.

The current problem of the literary criticism theory is discussed. The attention is focused on the literary criticism, on the issue of interpretation and reception of a critical text. The structure of the critical text is determined by the time of creation style and other text modification.

Key words: criticism, system, interpretation, discussion, dialog.

Последние десятилетия характеризуются появлением серьезных исследовательских работ в области теории и истории литературной критики.

Достаточно назвать работы Р. Громьяка, М. Зубрицкой, Б. Егорова, С. Яковенко [3; 4; 5; 11]. Изучение предмета, природы, функций литературной критики позволяет поставить вопрос об особенностях ее интерпретации, который и обусловил цель данной статьи, заключающуюся в рассмотрении критики как определенной структуры, характеризующейся диалогичностью и авторефлексией. Заметим, что научная рефлексия осуществляет две цели: помогает понять предмет соответствующей науки и усовершенствовать инструментарий данной области знаний, «морфологию» науки. Очевидно, что интерпретация должна быть направлена на доказательство системности литературной критики.

Понятие системы в данном контексте следует понимать как комплекс взаимодействующих элементов, условно называемых концептами. Отношения, существующие между концептами, образуют структуру системы. Совокупность элементов, связанных структурными отношениями, как нам представляется, дает субстрат системы. Об этом свидетельствует современная модель литературной критики, широко использующая философское, психологическое знание. Не случайно множественные дискурсивные практики, прежде всего, зафиксировали Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида и др. Вместе с тем критический дискурс связан с коммуникативно-рецептивными факторами и социокультурными аспектами, о чем неоднократно писал М. Бахтин.

Системность литературной критики обнаруживается в единстве объективного и субъективного начал, соединении художественной интуиции со способностью к логическому анализу. Интуиция как высшее напряжение человеческого духа чаще всего первична в литературно-критическом сознании. Как отмечают исследователи, подкрепляя и корректируя интуицию, литературно-критическая логика (рассудительность) неизбежно вступает с ней в драматически сложные отношения, интуиция предопределяет логику, логика же, при всем чрезвычайном усердии и убедительности, не в состоянии объять интуицию, исчерпывая ее «озвучить» и объяснить [5, с. 7].

Возможно, что на первом этапе оценки литературная критика интуитивно осмысливает текст, выявляя историко-культурные коды, на втором – изучает и анализирует текст, учитывая философские и эстетические контакты и литературную память, заключенную в нем. В таком ракурсе критический текст следует рассматривать как метатекст, имеющий свою научную парадигму. Вместе с тем сразу заметим, что системно рассмотреть эту парадигму как относительно самостоятельное научное знание весьма сложно, ибо оно является синкретическим (объединяет науку, философию и творчество). Думается, что метатекст, это в то же время имплицитированный критический текст, определяющий условия, условности «характер самого общения, внутренние комментарии в процессе написания данного текста» (Штайн) [9, с. 48].

Для осуществления взаимосвязи различных элементов критического текста, на наш взгляд, необходимы следующие инструментарии: во-первых, выбор исходной позиции, т. е. определение исходной установки, принципов, направление анализа и его исходной парадигмы (предварительной, предположительной, исходной концепции смысла предмета, которая

подтверждается или опровергается дальнейшим его исследованием; во-вторых, приближение к объекту исследования до непосредственного «соприкосновения» с ним; в-третьих, проникновение, т. е. движение внутрь исследуемого предмета, вычленение его структурных элементов, внутренних связей; в-четвертых, обретение целостного взгляда на предмет исследования путем синтеза и обобщения результатов, полученных на предшествующих этапах анализа.

Данные взаимосвязи в структуре текста позволяют выделить следующие уровни: Первый уровень – «Я+Я» – внутренние коммуникации личности критика, определяемые его противоречивостью, культурным табу, подсознанием. Второй уровень – «Я+ТЫ» – общение критика с читателем. Третий уровень – «Я+ВЫ» – взаимоотношение критика с автором. Четвертый уровень – «Я+ВСЕ» – общение критика с миром, создание собственной модели мира.

В таком плане критический текст представляет собой гомогенный контекст с несколькими темами. В пространстве текста в этом плане особую значимость приобретают границы полемики. Читатель, воссоздаваемый в контексте критической статьи, так сказать, основной объект общения критика, его конструируемый адресат, функционально замещает реального читателя. В своей основе полемические фрагменты функционируют как элементы литературно-критического текста и могут рассматриваться только в составе целого.

Проблемная ситуация, предлагаемая критиком читателю, разрешается в единстве взаимодействий указанных компонентов, по-разному предстающих в сюжетах критического текста. Здесь значимой является теория высказывания, разработанная М. Бахтиным. Высказывание им понимается как единица речевого общения; границы высказывания «определяются сменой речевых субъектов, т. е. сменой говорящих» [1]. Существенный признак высказывания – его обращенность к кому-либо, т. е. адресованность. В отличие от значащих единиц языка – слова и предложения, – которые безличны, никому не адресованы, высказывание имеет автора и адресата. В разнообразии типических форм высказывания М. Бахтин выделяет две большие группы: первичные речевые жанры-реплики диалога, письма, (их адресованность очевидна) и вторичные, которые вбирают в себя первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения.

Думается, что к вторичным речевым жанрам можно отнести и критический текст, ибо согласно М. Бахтину, высказывание с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается. Роль *других*, для которых строится высказывание, исключительно велика [1]. Более того, М. Бахтин вводит диалог в систему коммуникативных процессов, связанных с самооткровением личности (мысль о Боге в присутствии Бога). В связи с этим исследуется «двухсторонний акт» познания – проникновения, «активность познающего» и «активность открывающего», в результате возникает емкое понятие «диалогичность». Н. Шляхова указывает, что «сама діалогічністю називає Бахтін активність авторську, спрямовану не на

мертвий, безголосий об'єкт, а на чужу живу самодостатню свідомість» [10, с. 21]. Вследствие этой идеи литературно-критический текст можно исследовать как выразительное бытие. «Выражение» рассматривается как «поле встреч» двух сознаний: автора и читателя. Более того, литературно-критический текст представляет и сложное культурное образование, в результате чего возникают различные формы речевого общения (писатель-критик, критик-читатель и др.).

В современном литературоведении утвердилась мысль о разграничении адресата в литературной критике (воображаемого, имплицитного, внутреннего читателя) и реального (публика). М. Зубрицкая отмечает, что именно категория читателя оказалась сегодня в поле зрения всех литературоведческих школ, став пунктом пересечения «найоригінальніших літературних ідей у літературно-критичній думці ХХ ст.» [4].

Притерминологических различиях принцип разграничения адресата в работах литературоведов в основном совпадает. Например, Л. Чернец, М. Науман указывают, что понятие «адресата» используется при анализе критикой творческого процесса, а также завершённой структуры художественного текста, ибо рассматривается как воплощение определенной программы воздействия [8]. Представители рецептивной эстетики, в частности, Г.-Х. Яусс, В. Изер отмечали необходимость рассмотрения критического текста под углом зрения воздействия на адресата и соответственной оппозиции воздействия и восприятия. В. Изер указывает, что «теория воздействия имеет свои корни в тексте, а теория восприятия вырастает из истории суждений читателя» [6]. Укажем здесь статьи В. Белинского «Герой нашего времени», Ап. Григорьева «„Дворянское гнездо“. И. С. Тургенев и его деятельность». М. Бахтин, рассматривая высказывание как общение, также отмечал, что в отличие от действительной критики, слушатель влияет на форму, стиль текста. «Автора, героя и слушателя мы берем вне художественного текста, а лишь, поскольку они входят в самое восприятие...» [1].

Однако в литературно-критическом тексте критик не только связан с читателем, но и корректирует его. В этом плане любопытно введение рецептивной эстетикой и критикой понятия «горизонт ожидания», характерное для герменевтики как теории понимания, где ситуация общения является одновременно и коррекцией собственного сознания.

Вместе с тем, в такой ситуации часто возникает парадокс: единичный, индивидуальный критический опыт приходит в столкновение с неисчерпаемостью смыслов художественного произведения. Так происходит в статье Ап. Григорьева «„Дворянское гнездо“. И. С. Тургенев и его деятельность». Критик делает акцент на идилличности как особой структуре романов И. Тургенева и И. Гончарова. Безусловно, акцент не случаен, он отражает «органическую» теорию искусства критика. Иные жанровые модификации вообще не рассматриваются. Однако парадокс в том, что чем полнее текст художественного произведения представлен в статье, тем более осязаемо в ее сюжете «ответное», не зависящее от стремления критика, движение художественной мысли.

Столь интенсивное, корректирующее трактовку «обратное влияние» художественного текста на критический текст характерно для В. Белинского, Ап. Григорьева, В. В. Розанова и объясняется особенностью их рефлексии. Для данного типа критики модель читателя конструируется. Ее функция определяется наиболее значимыми для критика задачами. Скажем, необходимостью дать представление о литературных направлениях (В. Белинский), либо жанровых тенденциях в соответствии с личностным сознанием (Ап. Григорьев), либо условности транссубъективной теории восприятия человека и мира (В. Розанов) и т. д.

Присутствие читателя может осуществляться и введением цитат, цель которых – отразить экспрессивное (эмотивное, по определению М. Бахтина) состояние автора статьи; при этом образуется особый микросюжет, в котором, как правило, формулируется основная концепция критика. М. Бахтин указывал: «в ... статье, где приводятся чужие высказывания по данному вопросу различных авторов, одни для опровержения, другие – наоборот, для подтверждения и дополнения, перед нами случай диалогического взаимоотношения... Отношения согласия – не согласия, утверждения-дополнения, вопроса-ответа и т. п. чисто диалогические отношения, притом, конечно, не между словами, предложениями или иными элементами одного высказывания, а между целыми высказываниями» [1, т. V, с. 218].

Эти явления особенно характерны для литературной критики XIX в., ибо выбор точки зрения моделируемого читателя был не менее значим, чем выбор текста для анализа и часто связывается с временными конфликтами и отношениями. Возможность разночтений между автором, критиком и читателем, как правило, возрастает и при интерпретации сложных противоречивых явлений литературного процесса или остро проблемных произведений (например, статьи Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях в русской литературе», В. Розанова «Три фазиса развития русской критики», в которых определяется принципиально новые подходы к литературному процессу предшествовавшей эпохи).

Для Д. Мережковского писатели XIX в. стали «вечными спутниками», позволившими ему сформулировать метод субъективно-художественной критики, для Вл. Соловьева ведущим явилось философско-религиозное критическое знание (царь, пророк, священник), вводимое в систему мистических построений, для А. Волынского – богофильское и богословское начало стало определяющим в его концепции символистской поэтики, т. е. возникают новые оптические возможности использования диалога [12].

Таким образом, интерпретация литературной критики способствует постижению ключевых знаков в семантическом пространстве, связи между полемикой и диалогом, культурным кодом текста и коммуникативно-рецептивными процессами. Совокупность данных связей свидетельствует о том, что литературная критика является не только частью литературоведения, но и определенной самостоятельной системой, структурирование которой позволит в дальнейшем увидеть связь между кодами литературно-критического и литературоведческого текстов.

Библиографические ссылки

1. **Бахтин М.** Проблемы речевых жанров: [Текст] / М. Бахтин // Бахтин М. Собр. соч.: В VII т. Т. V. – М.: Рус. словари, б/г. – С. 156-289.
2. **Гадамер Г.** Истина і метод: [Текст] / Г. Гадамер. – К.: Юніверс, 2000. – 464 с.
3. **Гром'як Р.** Історія української літературної критики (від початків до кінця XIX ст.): [Текст] / Р. Гром'як. – Тернопіль: Підруч. і посіб., 1999. – 223 с.
4. **Зубрицкая М.** Номо legens. Читання як соціокультурний феномен: [Текст] / М. Зубрицкая. – Львів.: Літопис, 2004. – 349 с.
5. **Егоров Б.** От Хомякова до Лотмана: [Текст] / Б. Егоров. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 367 с.
6. **Ізер В.** Процес читання, феноменологічне наближення: [Текст] / В. Ізер // Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. – Львів: ЛНУ, 2002. – С. 349-368.
7. **Сагатовский В.** Триада бытия: [Текст] / В. Сагатовский. – СПб.: Изд. дом С-Петербур. гос. ун-та, 2006. – 125 с.
8. **Чернец Л.** «Как слово наше отзовется...»: судьбы литературных произведений: [Текст] / Л. Чернец. – М.: Высш. шк., 1995. – 279 с.
9. **Штайн К. Э.** Метапозитика – «размытая» парадигма: [Текст] / К. Э. Штайн // Филолог. науки. – 2007. – № 6. – С. 41-50.
10. **Шляхова Н. М.** «Образы „Я“ в образах інших людей» (феномен іншості / інакшості в естетиці М. Бахтіна): [Текст] / Н. М. Шляхова // Теорія літератури. Компаративістика. Україністика: Зб. наук. праць з нагоди 70-річчя професора Романа Гром'яка. – Тернопіль: Підруч. і посіб., 2007. – 400 с.
11. **Яковенко С.** Романтики, естети, ніцшеанці. Українська та польська літературна критика раннього модернізму: [Текст] / С. Яковенко. – К.: Ін-т критики, 2006. – 295 с.
12. **Яусс Г.-Х.** К проблеме диалогического понимания: [Текст] / Г.-Х. Яусс // Бахтинский сб. Вып. III. – М., 1997. – С. 182-197.

Надійшла до редколегії 22.05.2009.

УДК 821.111 – 1. «1 б», «17»

О. В. Родный

Днепропетровск

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ СМЕХОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII в.

Розкриваються основні особливості російської сміхової літератури XVII ст. як перехідного явища до літератури Нового часу, її амбівалентний характер, з'єднуючий сміхову літературу як з фольклором, так і з офіційною літературою.

Ключові слова: сміх, сміхова література, комічне, амбівалентність, карнавал, масова література.

Раскрываются основные особенности русской смеховой литературы XVII в. как переходного явления к литературе Нового времени, ее амбивалентный характер, связывающий смеховую литературу как с фольклором, так и с официальной литературой.

Ключевые слова: смех, смеховая литература, комическое, амбивалентность, карнавал, массовая литература.

The basic features of XVII century Russian humorous literature are researched. It is shown that this literature is a transitive phenomenon to the literature of New time. The author shows it's ambivalent character connecting the humorous literature as to folklore, and with the official literature.

Key words: laughter, humorous literature, comic, ambivalence, carnival, mass literature.

Смеховая литература представляет собой очень сложное образование, которое, по сути, соответствует «пестрой» ментальности русской литературы